

“Вася всегда думал, что оставит кино и будет писать”

75 лет Василию Шукшину

В воскресенье исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося писателя, драматурга, режиссера и артиста Василия Шукшина. Накануне юбилея его сестра **Наталья Макаровна Зиновьева (Шукшина)** поделилась своими воспоминаниями с корреспондентом **Газеты Кириллом Решетниковым**.

Вы помните о том, как Шукшин начинал писать?

Литературой он интересовался с детства. Сначала то, что писал, он никому не показывал. Когда он учился в техникуме, писал рассказы. Я два раза носила его рассказы на почту. Это разговор длинный — как эти рассказы попали в Москву, как посыпали ответ из Москвы и как письма из Москвы попали к его однофамильцу. Вася носил фамилию Попов, по матери, — отца репрессировали, поэтому мама скрывала фамилию Шукшин. Сначала писал в московский журнал «Затейник». Даже я написала с ним

вместе два стихотворения. Но мне пришел ответ в Сростки, где было написано «Шукшину Вас. Мак.». А у нас был такой Шукшин Василий Максимович. Ему и присыпали ответы, потому что Вася был Попов. Маму вызвали в райисполком и спросили, где сын. Мама перепугалась. А он тогда был в отъезде, во Владимире или Рязани. Ей сказали: «Да вы не волнуйтесь, тут пришел товарищ, который говорит, что ему приходят какие-то письма из Москвы». У него спросили: «Куда ты их девал?» А он сказал: «Бумага такая тонкая, я их курил». Все эти письма не сохранились. ► **СТР 06**

“Вася всегда думал, что оставит кино и будет писать”

75 лет Василию Шукшину

◆ 01 СТР

«Литература у него была вроде инфекции. У него было так: напишет, вроде бы надо остановиться, а ему нужно это обязательно воплотить в кино, чтобы это не только читали, но и видели»

75 лет
Василию Шукшину

Фотограф: Анатолий Ковтун

Вещи, которые писались тогда, были детские? Наверняка. Я-то не знаю, потому что он мне не показывал. Я только носила их на почту в Сростках, хотя он тогда учился в Бийске и там писал.

Когда он работал над большими историческими вещами — над «Любопытными», над «Разином», — вы с ним общались? Конечно.

Где он брал материал? Однажды он, радостный, довольный, сказал, что его допустили в Библиотеку имени Ленина. Видимо, туда не каждого пускали, я не знаю. Но он ею пользовался.

Что он больше писал — писательскую работу или работу в кино?

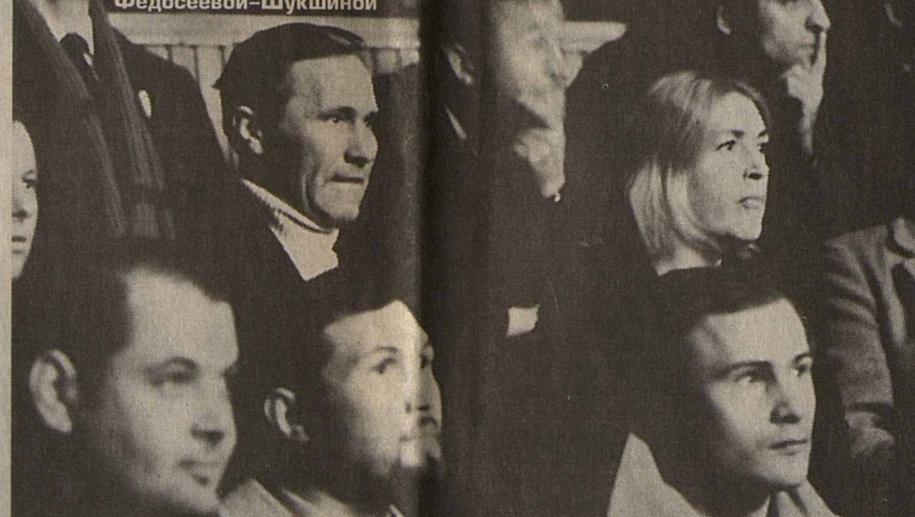
Наверное, грани здесь нет. Я считаю, что литература у него была вроде инфекции. У него было так: напишет, вроде бы надо остановиться, а ему нужно это обязательно воплотить в кино, чтобы не только читали, но и видели. Вот, например, как возникла «Калина красная». Он посетил детскую колонию в Бийске. Там дети от 18 лет. Он пришел и сказал: «Я не я буду, если не поставлю фильм о них». А Егор Прокудин в фильме 42 года. Я недоверяла: «Вася, ты же посетил детскую колонию?». А он сказал: «Я посетил дальше. Егор Прокудин в 18 лет был таким же». Прокудин ведь там рецидивист... Вася всегда думал, что оставит кино и будет писать, — так он говорил. А я ему говорила: нет, Вася, не оставишь ты кино. Ты опять что-нибудь пишешь, и опять у тебя будет сценарий.

То есть это как маятник — от одного к другому? Да-да, как маятник.

Как вы думаете, какое из двух увлечений у него возникло раньше? Ведь к тому времени, когда он поступил во ВГИК, он уже писал?

Он поступил в два института одновременно: во ВГИК и в Историко-архивный заочный. Документы-то были одни, но в Историко-архивном он сказал, что документы идут по почте. Это было неправда, а документы он сдал в Институт кинематографии. Когда он сдал экзамены, нам прислали телеграмму: «ВГИК — очно». Историко-архивный — заочно. Советский. Это он написал маме. Мама не знала, что такое ВГИК. Она была парикмахером. Когда получили телеграмму, в кресле у нее сидел мой троюродный брат. Он ей расшифровал. Слово «очно» ее подхвистнуло. Она Вася послала телеграмму: «Только очно. Мама». Учиться заочно, он должен был жить в Сростках. А если очно, то в Москве. Он прекрасно знал, что мама одна — я тогда еще была студенткой. Я училась в Новосибирском пединституте, — и что маме будет очень тяжело поднимать двух студентов. Но наша мама была оптимисткой во всех отношениях. А экзаменационные оценки у него и там, и там были отличные. Он любил историю. Разином он был задержан тоже с детства. Любил разинские песни.

На боксерском состязании с женой Лидией Федосеевой-Шукшиной

Наталья Макаровна Зиновьева
(Шукшина), сестра Василия Шукшина

Фотограф: Альберт Багаутдинов

С Сергеем Бондарчуком
на съемках фильма
«Они сражались
за Родину». 1975

А сам пел?
Да. И мать, и ее сестры тоже были голосистые. Он любил и слушать, и петь. Он был музыкальный.

На гитаре он играл?
Нет, на гармошке. На двухрядке.

Что он любил петь?
В основном старинные песни, народные. Он любил их, поэтому у него что ни фильм, то обязательно за столом поются старинные песни. Эти песни отражают специфику жизни, и ему это было важно.

А почему он решил заниматься кино?
Ему было совет один кинорежиссер. Я забыла, как его зовут. Вася ему сказал, что любит литературу. А тот ему говорит: «Так ты поступай в институт кинематографии, учись на режиссера. Там тебе и литература будет. Ты будешь сам писать сценарии и ставить картины».

Он был тогда совсем молодой?
Ему было двадцать пять.

Помните ли вы что-нибудь о том, как он начал в качестве режиссера?
У него был дипломный фильм во ВГИКе на режиссерском — «Из Лебяжего сообщают».

Насколько я знаю, в 1953—1954 годах он работал в Сростках учителем. Почему он решил этим заняться?
Вася сдал экзамены за 10 классов экстерном, и ему предложили комсомольскую работу. Семья наша была бедная, и он решил остаться на год поработать — наверное, хотел подзаработать денег и только потом ехать в Москву, но от комсомольской работы отказался.

И тогда ему директор нашей спортивной школы предложил работать в вечерние курсы, вести русский, литературу и историю. Он готовился к урокам очень капитально. Наверное, каждый учитель-предметник мог бы ему позавидовать... или наоборот, не позавидовать.

Чтобы столько успевать, нужно было, наверное, все очень быстро делать. Он был быстрый человек?
Нет, я бы не сказала, что быстрый — но не медленный; просто разумный.

Как он относился к почетным — например, в 1969 году ему дали «Заслуженного деятеля искусств» — было ли это для него важно?

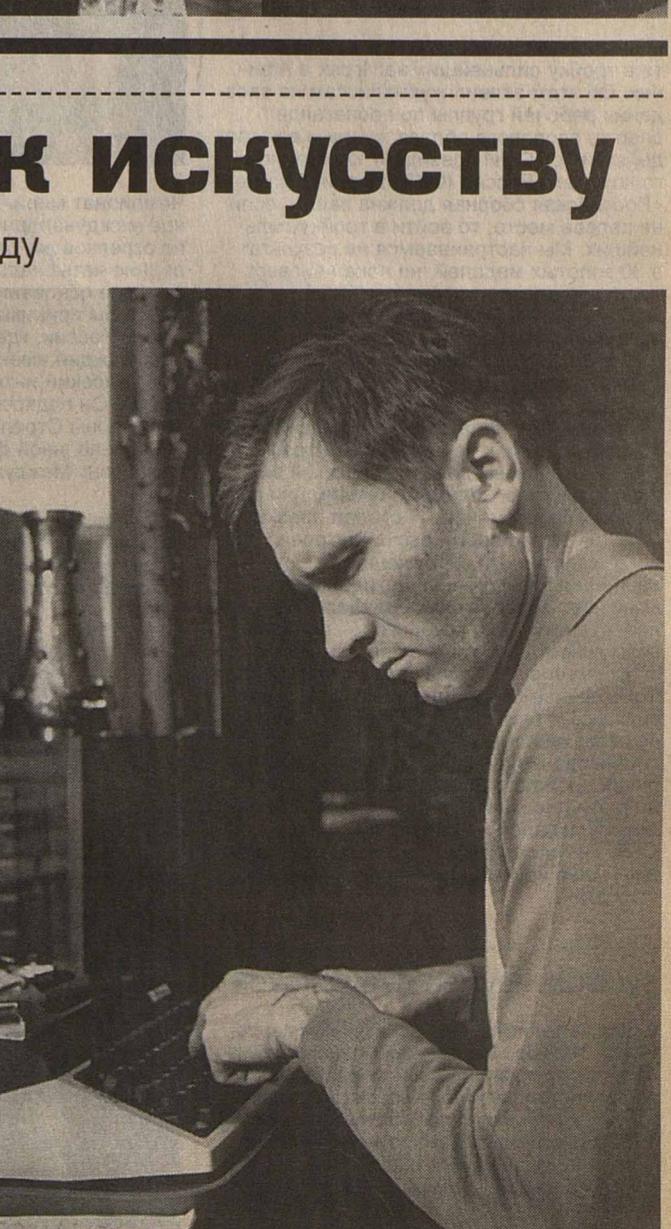
Тогда ведь был Советский Союз, а это было звание «Заслуженный артист России». Я работала в НИИ программистом и всегда просматривала газеты. Очень любила «Литературную». И вот я увидела, что Вася награжден.

Я позвонила ему в Москву поздравить. А он говорит: «Да ну, это же по России». Ему было было шире.

Когда он жил в Москве, часто ли он бывал дома в Сростках?
Москву он, признаюсь, не любил. Если начать его рассказы, станет понятно, почему он был сельский житель. Но дома его все же редко видели. Он иногда обещал приехать на месяц, а сам приезжал максимум на неделю. Потом его опять вызывали в Москву.

А как к его известности относились односельчане, с которыми он издавна был знаком?
В точности так же, как и раньше. И с его стороны не было никакого зазнания. Его отношение к друзьям никак не изменилось — и они точно так же звали его на рыбальку, когда он приезжал в отпуск. Хотя отпуска у него, кстати сказать, не было.

«Калина красная». 1973

КИТЫ, ИЛИ О ТОМ, КАК МЫ ПРИОБЩАЛИСЬ К ИСКУССТВУ

Газета впервые публикует творческую работу Шукшина, которую он написал при поступлении во ВГИК в 1954 году

тема: вестибюль ВГИКа

лето

настоящие дни

Вестибюль института кино. Нас очень много здесь, молодых, непуганных, крикливых человечков. Всем нам когда-то пришла в голову очень странная мысль — посмотреть себя искусством. И вот мы здесь.

Мы бесцисленно толпимся, присматриваемся друг к другу и ведем умные разговоры. Лица наши хотят выражать спокойствие и зрелость мысли. Мы очень самостоятельные люди и всем своим видом показываем, что мы родились для искусства.

Знакомимся мы настороженно, подозрительно, всматриваясь друг в друга, опасаясь втайне встретить людей, которые имеют больше несомненных шансов для поступления в институт. Тревожная мысль о конкурсе не покидает нас, но у нас дастся духу, щуптует даже на эту тему.

Время тянется томительно долго.

Наконец, получив документы, мы расходимся. В общечитки мы знакомимся ближе, но-прежнему каждый живет своей напряженной жизнью. Впрочем, все мы единодушно сходимся на том, что только мы, девять, а те 180 достойны поступления.

Правда, для очистки совести мы говорим о том, что мы сомневаемся в удаче, и каждый из нас даже называет каких-то талантливых людей, которые уж обязательно поступят, но все это выходит у нас неискренне.

Каждый знает, что он талантливее других и доказывает это каждым словом, каждым своим движением. Среди нас неминуемо

мо выявляются т.н. киты — люди, у которых прямо на лбу написано, что он — будущий режиссер или актер.

У них, этих людей, обязательно есть что-то такое, что сразу выделяет их из среды других, обычновенных. Вот один такой:

Среднего роста, худощавый, с подлинными обсоснованными конфетками вместо глаз. Отличается тем, что может не задумываясь говорить о чем угодно, и все это красивым, легким языком. Этот человек умен и хитрый. У себя дома, должно быть, пользовался громкой известностью хорошего и талантливого молодого человека; имел громадный успех у барышень. Он понимает, что одной только болтовней, пустыни красивой, нас не расположит к себе — мы тоже не дураки, поэтому он вытаскивает из чемодана кусок сала, хлеб и с удивительной неискренностью всячески приглашает к столу.

Мы ели сало и можем быть, понимали, что сала ему жалко, потому понимали, что слишком уж холопат, разрезая его и предлагая нам. Но нас почему-то это не смущало, мы думали, что это так и следует делать в обществе людей искусства.

Разговор течет непринужденно, мы острим, рассказывает о себе, а выждав момент тишины, говорим что-нибудь особенное, необыкновенно умное, чтобы сразу уж заявить о себе. Мы называем друг друга Коленышем, Васенкой, Юрий, хотя это не сколько не идет к нам.

В общем гаме уже выявляются голоса, которые обещают в будущем прибрести только уверенный тон мастера. Здесь, собственно, и намечаются киты.

Человечек с бесцветными глазами и прозрачным умом рассказывает между прочим о том, что Тамара Макарова замужем

за Герасимовым, что у Ромма какие-то грустные глаза, и добавляет, что это хорошо, что однажды он встретил где-то Гурзо и даже, кажется, прикурил от его папиросы. И все это с видом беспечным, с видом, который говорит, что это — еще пустяки, а впереди будет еще хлеще.

Незаметно это вертлявый хитрец одолевает нашим вниманием и с видимым удовольствием сыплет словечками, как горох. никто из нас не считает его такую уж умницу, но все его слушают — изуважения к салу.

Почувствовал в нем ложную силу и авторитет, к нему быстро и откровенно подлизывается другой кит — человек от природы грубый, но нахватавшийся где-то «культурных верхушек». Этот, наверное, не терпит мелочности в людях, и, чтобы водиться с ним, нужно всякий раз рассчитываться за выпитое вместе пиво не гробнув глаза, ничем не выдавая свою досаду. Он не обладает столь изящным умом и видит в этом большой недостаток. Он много старше нас, одевается со вкусом и очень тщательно. Он умеет вкусно кушать, не выносит грязного воротничка. И походка у него какая-то особенная — культура, с энергичным выбросом голени вперед. Он создает вокруг себя обаятельный атмосферу из запаха дорогого табака и духов.

Он не задумываясь, прямо сейчас стыдился режиссером, потому что «знает», как надо держать себя режиссером.

Вечером киты поют под аккомпанемент гитары «силовые вещи». Запевает глиссандо-тип, запевает мягким, приятным голосом: «Ваша пальцы пахнут ладаном...»

Второй подхватывает мелодию, поет он скверно и портит все, но поет старательно и уверенно. Мы слушали, и нас волновала песня.

Только всем нам, пожалуй, странно немножко: дома мы пели «Калинушку», читали книжки, любили стихи и даже не подозревали, что жизнь может быть такой сложной и, по-видимому, интересной.

Особенно же удивили нас киты — эти видающие виды люди, когда они не ночевали в общежитии, а явившись утром, на наш вопрос ответили туманно:

«Да так, в одном месте».

Это было таинственно и любопытно. Киты заметно вырастали в наших глазах. Впрочем, кто-то из нас, отвернувшись, негромко сказал: «У тетки, наверное, в Москве ночевали».

Один из китов был в прошлом актер. И они подолгу разговаривали, уже не обращая на нас внимания, о горькой актерской жизни, сетовали на зрителей, которые не понимают настоящего искусства.

Да и в кинематографии тоже «беспорядок правильный», говорят.

ли они, и не прочь были навести там наконец настоящие порядки.

В нас они здорово сомневались и не стеснялись говорить это нам в лицо.

Однако приближался день экзаменов, и киты наши как-то присмирились и начали уже поговаривать о том, что их могут не понять.

В день экзаменов они чувствовали себя совсем плохо.

Наверное, правду о себе они чувствовали не хуже нас. Когда наконец один из них зашел в страшную дверь и через некоторое время вышел, у нас не было сомнения в том, что этот провалился. Мы с каким-то невольским чувством обступили его в вестибюле и начали закидывать ненужными вопросами. Кит рассказал, как он «рубал» на экзаменах, а в глазах у него металась страха и неуверенность.

Словечки по-прежнему свободно спалились у него из рта, но видно было, что он испытывает неприятные ощущения испытаний.

Он, кажется, начал понимать, что нужно быть не так. И вот момент, когда лицо его приобретает естественное выражение, — его жалко. Но тут же вспоминает, он — прежний кит, самоуверенный и невнимательный, жалость пропадает. «Пусть тебя учит жизнь, если ты не хочешь слушать людей». (Архив В.М. Шукшина)

На сохранившейся работе Шукшина помимо отличной оценки стоит следующая рецензия преподавателя ВГИКа:

«Хотя написана работа не на тему и условия не выполнены, автор обнаруживает режиссерское дарование и заслуживает отличной оценки».

Редакция благодарит Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина в селе Сростки за предоставленный текст.